

- Не говори! Точно! Старый стал, больной...

Я наклонился к отцу и поцеловал его. Подумал: "Худший. Совсем высох. И выглядит намного хуже прошлого раза".

- Ну как ты себя чувствуешь, пап?

- Да неважно. Нога болит. Есть не могу, организм еду не принимает. Домой хочу. Вот думаю, делают мне операцию - домой поеду. Здесь мне всё надоело, а дома стены лечат.

- Пап, ты пока с Лехой поговори, а я в госпитальную аптеку схожу, мне там кое-что надо. Скоро вернусь, - я встал, уступая сыну место у кровати, и вышел в коридор. Там меня уже ждал незнакомый доктор. По больничным коридорам он провел меня в ординаторскую. Там начальник клиники собрал на консилиум всех специалистов, имевших отношение к лечению отца.

- Ну, мы здесь, пока Вас ждали, уже обменялись мнениями. Вы - сын Олега Константиновича и должны знать всю правду. Операция ему уже не поможет. Он неоперабелен. Метастазы поразили всю брюшную область и лимфоузлы. Лечение предлагается медикаментозное, консервативное. Да и лечением-то это не назовешь. В общем, будем пытаться, что есть в наших силах, облегчить его страдания. Переходим на самый сильный препарат.

- Сколько ему осталось?

- Это очень индивидуально! - в разговор включился бритый наголо военный врач, похожий на облущенного физика-ядерщика, - может быть месяц, а могут быть и дни. Всё зависит от силы сердца. Оно у Олега Константиновича мощное, совсем еще молодое, но две химиотерапии ослабили его значительно. Понимаете, химия - это зараза, которая и опухоль убивает, и сердце. Помочь она может, но только в среднем возрасте. У пожилых людей нет такого жизненного ресурса, чтоб выкарабкаться после яда.

- Зачем же тогда его вводят?

- Пробуем всё, чтобы остановить болезнь!

- Что вы советуете нам, родным? Как мне лучше мать настроить, семью? Что вы обычно рекомендуете в таких случаях?

Начальник госпиталя, видимо, сочтя, что ответ на данный вопрос имеет отношение к его исключительной компетенции, замер в кресле, затем подался телом вперед, встал и вплотную подошел ко мне. Протерев очки и выиграв, таким образом, пару секунд для формулирования ответа, он, наконец, тихо произнес:

- Я бы порекомендовал Вам обзвонить тех, кто хотел бы еще увидеть Олега Константиновича живым. Пока он в сознании, он будет рад видеть тех, с кем имел дело, дружил, поддерживал приятельские отношения. Скажите этим людям, что он хотел бы их увидеть, а его предупреждайте не посредственно перед их посещением, чтобы он не стал возражать, мол, зачем людей беспокоить. Поверьте, я нахожусь под сильнейшим впечатлением от общения с Вашим отцом. Даже если он Вам говорит о каких-то своих планах, он на самом деле Вас хочет приободрить. Сам-то он своё состояние прекрасно понимает и готовится к концу. Но не стоит, а Вас жалеет. Понимаете, в чем дело? Хороший, красивый у Вас отец. Нам всем жаль, что он уходит.

- Спасибо за добрые слова!

Мы попрощались. Врач с вечно грустными глазами довел меня до дверей отцовской палаты. Батя дремал. Мама разговаривала с Алексеем, кружась с какими-то чашками в руках в узком пенале гостевого холлчика. Я поцеловал мать и своими словами, не травмируя ее душу, пересказал ей слова докторов. Спросил, где их квартирная телефонная книжка, где записаны телефоны друзей и сослуживцев отца.

- Мама, ты с мобильной вызванивай тех, кого считаешь нужным позвать сюда. Ему худо, видишь, совсем слабый. Только звони из коридора, чтобы папа не слышал.

- Ох, сыночка, дорогой ты мой, сил моих нет видеть, как ему всё хуже и хуже. Уж лучше б я за него болела! Только бы не видеть его страданий...

- Нет, мам, так нельзя говорить. Господь каждому посылает испытания по силам его! Отец сильный, мужественный, ты же знаешь, а ты - слабая женщина. Ты б такого не выдержала, поэтому и не говори так. Ты нам нужна, береги себя! - я обнял маму, но она вскинула на меня свои мокрые карие глаза, обхватила мое лицо руками, прижалась и горько-горько заплакала. Тогда и я понял, что приближается время, когда душа будет сжиматься и слезы стоять наготове, и сказал себе тотчас, что хоронить моего генерала я буду с сухими глазами. Отец никогда своих слез не показывал, и от меня их не дождутся. И всё тут!

Отец зашевелил рукой и приоткрыл глаза. Я сначала подумал, что он так спит. Нет, точно не спит!

- Пап, ты как? Проснулся?

- Я сейчас удивительный сон видел. Очень хороший. Будто бы мы все собрались, вся семья. И внуки, и правнуки, и дети со своими супругами, и Томочка, и танины родители, все-все. И сидим мы в лесу за столом. Птицы поют как по заказу. Небо чистое - ни облачка! Солнышко не жаркое, а теплое, легкий ветерок с прохладой. Сидим за столом, а стол весь блюдами покрыт, да со всякой всячиной и вкусятиной. Икра черная и красная, молочные поросята с оливками вместо глаз, соленья, разносолы разные, наливка в кувшинах, кваса и пива по жбану, хлеб горячий, как помнится, на Алтае в эвакуации нас булочник баловал таким хлебом, а мы ему за это воды носили. Вот такой сон прекрасный, даже просыпаться не хотел.

- А меня во сне видел? - мама присела на край кровати и влажной салфеткой стала вытирать отцу лоб и волосы.

- Я же говорю, и ты там была. Вся наша семья.

- Алик, вот ты поправишься, и мы поедим на дачу, там в лесочке так и усядемся.

- Да нет, это не на даче было. Место какое-то неузнаваемое.

Мать многозначно посмотрела мне в глаза, но я не понял, что означал для нее и отца этот его сон. Сон как сон. Я часто сны вижу, цветные и увлекательные, но только на третий-четвертый день отпуска.

Мама взяла телефон и с Алексеем вышла в коридор. Наверное, звонить пошла по списку друзей.

- Пап, ты не устал? Разговор про нашего полицмейс-

тера продолжим? Есть что тебе рассказать.

- Да-да. Давай. С удовольствием. На чем мы с тобой остановились? ...Банка с недоноском. Слушай, а ведь это целая метафора, образ! Образ русской революции. Недоношенной в 1915-м, но к 17-му году вполне созревшей и вылезшей из этой банки. Страшный образ. Скажи, а что было потом с Николаем Антоновичем? Он ведь на фронт ушел после разговора с царем, так?

- Да. В сентябре он уже прибыл на Западный фронт.

- Дед Борис мне рассказывал, что в конце 1915 года они встретились - отец-генерал и сын-подпоручик.

- Судя по "Краткой записке о службе", которую я получил из Военно-исторического архива, твой дед в октябре 1915-го был отозван с Северо-Западного фронта и командирован в "Офицерскую школу Авиации для обучения полетам". Видимо, там и состоялась их первая за время войны и последняя в жизни встреча. Там же в Военно-историческом архиве я раздобыл Аттестацию военного летчика, подпоручика Бориса Миткевича Жолтка. Вот она. Смотри. Так... Графа "Должность и с какого времени" - здесь сказано: "Начальник 3-ей сборочной авиационной базы - с 29 апреля 1917 года". То есть они оба продолжали служить на разных фронтах: Николай Антонович - на Западном, а Борис Николаевич - на Северо-Западном. Кроме того, дед Борис в 16-м был ранен и находился на излечении.

А вот сейчас прошу внимания! У тебя, отец, будет прилив гордости! Зачитываю характеристику на Бориса Николаевича. Она приложена к его Аттестации. Итак: "Военный летчик подпоручик Борис Николаевич Миткевич Жолток прекрасно поставил дело сборки и ремонта самолетов. Обладает прекрасными организаторскими и административными способностями. Сумел сплотить весь состав своей базы для продуктивной и интенсивной работы. Пользуется любовью товарищей и подчиненных. К подчиненным ровен, требователен. Прекрасный техник. В смысле исполнения служебных обязанностей является примером для всей базы". Подпись неразборчива. Видно только, что подписал штабс-капитан, командующий 1-м авиационным парком Действующей армии.

- А я всё думал, в кого ты меня такой умный? Оказывается в прадеда Бориса! - отец хоть и подшучивал надо мной, но по всему был явно доволен характеристикой, данной его предку. - Вот, видишь, он не только военным летчиком стал, причём, одним из первых в России, но и был основателем военно-воздушной инженерной традиции! Дед твой, мой отец Константин Павлович - тоже ведь авиационный инженер. Только вот ты у нас диссидент - в дипломаты пробился!

- Пап, как дипломат я часто летаю, значит, тоже могу считаться почетным летчиком бизнес-класса.

- Летчиком-налетчиком, - отец уперся затылком в подушку, поморщился и уставился в потолок. Глаза его слезились. Генерал устал от разговора и эмоций, которые выкачивали силы, - Дай-ка мне воды, летчик-налетчик!

Я поднес к его губам стакан воды. Несколько капель во впадине щекам на подушку.

По-моему, отец не заметил мою неловкость.

- "Сплотил весь состав своей базы для продуктивной и интенсивной работы"... Послушай, Дим, как хорошо, четко сказано. Писано-то почти столет назад, но стиль современный, деловой. "Продуктивная и интенсивная работа!" - это прям как цитата из "Программы вооружений"! Помнишь в фильме "Чапаев", когда эта молодая дрянь Анка-пулемётчица косила огнем офицерские ряды капеллецев, кто-то из красных командиров сказал: "Красиво идут! Интеллигенция!" Вот эта вся интеллигенция, цвет русского офицерства там на поле и осталась. И штабс-капитан этот там же лежит. Страшная вещь, сын, гражданская война! Потом, в Великую Отечественную перебили поколение молодых советских парней, тех, кто из окопа первым лез на врага. Остались те, кто чудом выжил или кто пошел воевать позже, когда мы бить немцев уже научились, плюс остались окопные и штабные крысы. Вот и идет вырождение нации. Нам выпал страшный век. Тебе и твоим товарищам тяжело будет, но шанс установить длительный мир для России у вас есть. Сумейте им воспользоваться! Сумеешь?

- Сумею, сумею. Пап, может тебе отдохнуть надо?

- Нет, не уходи. Когда с тобой разговариваю, боль подвигается. Знаешь, мне сейчас мощное обезболивающее колют. Иногда всё плывет перед глазами. Видения какие-то, не пойму, что правда, а что сон. Вот сейчас вижу, что ты в палате - это правда. Давай еще поговорим, если ты куда не отправишься.

- Да нет, конечно, с удовольствием. Я ж к тебе специально прилетел, да и на службе знают, что я в отпуске в связи с твоей болезнью. Да даже если бы и не в отпуске... Давай я тебе еще кое-что расскажу любопытное про отца Николая и сына Бориса, но сначала кое-что у тебя выведаю.

- Да. Что?

- Вот ты мне рассказывал, что твой дед Борис, когда немцы разбомбили ваш дом на Смоленке, приехал к вам на дачу, где вы жили, и помог вам эвакуироваться на Алтай.

- Да. Так оно и было. Это осенью 41-го...

- Ты говорил, что после демобилизации из РККА он устроился работать в Новочеркасский мелиоративный институт.

- Да. Этот институт был отправлен в эвакуацию, и нас дед посадил с ними в эшелон, и там на Алтае мы были вплоть до конца 42-го года.

- Но дело в том, что дед никогда не работал в Новочеркасске!

- Да нет. Ты сам что-то путаешь.

- Не путаю. Вот ответ на мой запрос председателя комитета по управлению архивным делом Администрации Ростовской области: "В процессе поиска в Государственном архиве Ростовской области (далее ГАРО), в Новочеркасском филиале ГАРО, Центре документации новейшей истории Ростовской области, а также в архивах и музеях высших учебных заведений Новочеркаска архивных документов, содержащих информацию о Борисе Николаевиче Миткевиче Жолтке, не обнаружено". Точка.

- Ерунда какая-то.

- А хочешь, дам тебе вариант ответа?

- Нет, погоди, дед Борис точно работал в Новочеркасске. Скорее всего, там и по-

хоронен.

- Так вот. Моя версия следующая. Копаясь в Интернете в поисках хоть какой-то дополнительной информации о людях, носивших эту польскую фамилию, я наткнулся на протоколы допроса некоего Бобрищева-Пушкина. Этот странный человек удостоился внимания и отдельного исследования историка Анатолия Даванова. В 2007 году он опубликовал его в журнале "Звезда". Короче, потомственный дворянин Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин был адвокатом и защищал всех - без разбора их партийно-политической принадлежности. Этот Бобрищев-Пушкин участвовал в процессе Бейлиса, после октябрьского переворота защищал Пуришкевича. Так увлеклся собственным творчеством, что публиковал свои судебные речи, не говоря уж о драматических произведениях. Был явно не в себе. Но я не об этом. С 1918 года он на юге России, видимо, приблизился как-то к Деникину или Врангелю писарем в штаб. Затем вместе со всеми эмигрировал в Сербию, затем в Германию. Участвовал в движении "Смена вех". Потом вдруг решил вернуться в Советскую Россию, тут его большевики и сцапали. Судя по его болтовне на судебном процессе, он хорошо знал и отца-генерала, и сына-летчика Миткевичей. Причем, с удовольствием закладывает обоих. Вот смотри, какая прелесть:

"Подсудимый БОБРИЩЕВ-ПУШКИН на вопросы суда:

Враждебные отношения к мероприятиям Советской власти у меня возникли с 1928 года, т. е. с момента раскулачивания в деревне, когда решения XIV партконференции Сталин приказал подложить под сукно. Это было первое отступление от Ленинской политики.

Закон от 7/VIII-32 года я считаю вторым отступлением. Я сразу же написал в Коллегию защитников, что этому закону я не сочувствую и прошу меня на такие дела защитником не назначать. Политика ликвидации кулачества расколотась с политикой Ленина.

Да, я нахожусь в оппозиции к Сталинскому Правительству, но не к Советской власти, и считаю, что лучше было бы, если власть перешла бы от Сталина в другие руки, а со Сталиным поступили так, как с Троцким, Зиновьевым и Камевым.

Ленина я считал моим политическим противником, но умным и гениальным руководителем России. С 1928 года его дело губится.

Миткевича я никогда не видал. Моя жена в 1930 году с ним уезжала в Москву, откуда вернулась нарядная. Я у нее спросил - почему; она сказала, что Миткевич получил аванс за шпионскую связь. Вот все, что я знаю о Миткевиче. Донести на него я не мог, т. к. жена сказала бы, что я мщу ей и ему за "рога".

Некто Флегентов, действительно приходил ко мне узнать адрес Миткевича с тем, чтобы передать ему посмертные завещание и ценности его отца генерала Миткевича. Я поехал к сестре Миткевича О.А.Миткевич узнать его адрес, только дальней родственницей, и адреса Миткевича она не знала, и я так и не узнал этого адреса".

- Ну и что из этого следует? Причем здесь Новочеркасск?

- Притом что, во-первых, ОГПУ-НКВД интересовалось генералом Миткевичем, и

со слов Бобрищева-Пушкина следует, что умер Николай Антонович где-то в эмиграции в конце 20-х годов или же в 1930 году. Во-вторых, следовательно по делу Бобрищева-Пушкина задавал подсудимому вопрос о "шпионской деятельности" Бориса Николаевича Миткевича-Жолтка и этот болтун Бобрищев-Пушкин практически дает против него показания. В-третьих, и это и есть мой тебе ответ насчет Новочеркаска: не было никакого Новочеркаска и никакого Мелиоративного института, точнее, институт, конечно, был, но твой дед там никогда не работал, о чем и ответ из Ростова свидетельствует. Судя по всему, Борис Николаевич знал, что все его заслуги перед русской авиацией - ничто в глазах сталинского "троек", и в "расход" его как потомка аристократического рода и царского офицера пустят, даже не икнув. Вот почему он, видимо, заблаговременно демобилизовавшись из РККА, запустил через друзей и родных версию о своем "самозаточении" в Новочеркасске, а сам скрывался в другом месте. Появился лишь он в Москве осенью 41-го, рискуя, и только для того, чтобы спасти свою дочь и ее детей, в том числе и тебя. Что думаешь? Да, пока ты думаешь, я не исключаю и такой версии, как то, что он действительно был связан с русской белой эмиграцией. Но эта версия экзотическая.

- Гм. Что я тебе скажу... Всё может быть. Неожиданный оборот принимает это дело. А с Николаем Антоновичем как этот Бобрищев-Пушкин связан был?

- Никак. Но вчитайся в слова подсудимого. Он говорит об "отце-генерале" как о человеке, имя которого явно уже произносилось в зале суда, либо он знал его настолько хорошо, что даже не считал необходимым пояснить, о ком конкретно идет речь. А дело вот в чем. В той самой бумаге, которую я тебе только что зачитывал - ну вот эта, ростовская, из архива, в ней говорится далее: "В ходе поиска в ГАРО выявлена копия приказа Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России Генерал-лейтенанта А.И.Деникина от 22 января 1919 года № 141, в приложении к которому указывается фамилия Генерал-майора Миткевича-Жолтка без указания инициалов". Вот оно - это приложение. Смотри, в списке генералов резерва чинов при Штабе Деникина под номером 3 числится наш с тобой "Миткевич-Жолток". Сразу звоню историку Белого Движения Сергею Владимировичу Волкову, и он подтверждает, что твой прадед действительно играл довольно-таки важную роль как в Штабе Деникина, так и после смены его Врангелем на посту Главнокомандующего. Более того, Волков уточнил, что работал Николай Антонович "по профилю", в частности, он был заместителем начальника Штаба Государственной Стражи России. Это что-то типа МВД плюс ФСБ, ФСО - всё в одном флаконе. В 1920-м генерал Миткевич-Жолток вместе со всеми уходил из Севастополя - то ли в Югославию, то ли в Турцию. Далее его следы теряются. Я недавно был в Белграде. Польские свозили меня на так называемое Новое кладбище, где захоронен цвет русской армии в изгнании. Нашего прадеда там нет, хотя и перелопатил все архивы и напряг городские власти Белграда. Нет никаких упоминаний. Возможно, в Югославию он не задержался, уехал в Европу, Германию, например. Или действительно попал он в Турцию, а